

И. Владимирски

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ BEATRICE PENATI. RURAL HISTORY
 OF SOVIET CENTRAL ASIA: LAND REFORM
 AND AGRICULTURAL CHANGE IN EARLY SOVIET UZBEKISTAN**

Комплексное исследование Беатрис Пенати представляет собой новый том в рамках проекта «Handbook of Oriental Studies» издательства Brill, а именно Восьмого раздела, посвященного уральским и центральноазиатским исследованиям. Цель проекта – изучение политической, культурной, социальной, экономической и религиозной истории регионов Центральной Азии, а также лингвистики уральской группы языков.

Книга Пенати «Rural History of Soviet Central Asia: Land Reform and Agricultural Change in Early Soviet Uzbekistan» предлагает детальное изучение практической реализации земельной и водной реформ, которые, с одной стороны, основывались на наследии прежней царской администрации, а с другой – на давних традициях земле- и водопользования в разных регионах Узбекистана. Другой важной чертой осуществляемых реформ была их явная идеологическая составляющая и желание большевиков привнести из вне классовую борьбу в узбекский *кишилак* и передать землю в руки тех, кто ее обрабатывал.

До большевистской революции территория Узбекской ССР была разделена на три политические единицы: Хивинское и Бухарское ханства и Туркестанское генерал-губернаторство, причем первые два имели независимый статус, а третьим управляло Российское военное министерство. Реформа национально-территориального размежевания 1924–1925 годов объединила эти три части в одну республику с добавлением Таджикистана, который получил статус независимой социалистической республики только в 1929 году.

Политические реалии раннего Советского Узбекистана представляют собой серьезную проблему для исследователя в определении общевойсковой основы для экономических реформ и принимаемых решений по экспериментам советской

власти. Чтобы разрешить эту проблему, автор выбрала путь анализа проведения рассматриваемых реформ как в региональном, так и в хронологическом аспектах, шаг за шагом восстанавливая процесс реформ в каждом округе и районе и его связь с основной политической линией большевистской партии. Наиболее подробный и документально подтвержденный анализ приводит к выводу, что для некоторых округов и районов реформа стала полной катастрофой, разрушившей традиционный сельскохозяйственный уклад и способ производства, не предоставив ничего взамен, в то время как в других регионах был достигнут ограниченный успех и созданы крупные плановые социалистические хозяйства.

Книга Пенати состоит из девяти глав, расположенных в хронологическом порядке, с подробным введением и заключением, обосновывающими основные положения, рассматриваемые каждой главой.

Первая глава анализирует состояние сельского хозяйства в Центральной Азии в период с 1915 по 1921 год, уделяя особое внимание процессу упадка сельского хозяйства во время и после Первой мировой войны, что послужило обоснованием для последующих земельной и водной реформ. Производство зерна постоянно сокращалось из-за массовой мобилизации трудоспособного населения, а широкое недовольство крестьян привело к возникновению басмачества. Реформы, основная цель которых заключалась в регулировании сельскохозяйственного законодательства между местными и пришлыми славянскими крестьянами, были совершенно неподготовлены. Коренное население не получило достаточного разъяснения сути реформ. Число местных коммунистов или сотрудников было крайне незначительным, и различные анархистские элементы воспользовались отсут-

ствием организации и подготовки, преследуя свои собственные грабительские цели. В 1920 году, при помощи первых политических активистов, вышедших из мусульманского населения (Акмаль Икрамов, Турар Рыскулов), был создан Союз Кошчи – кооперативная организация для бедных местных крестьян, которая предоставляла им кредит и основное сельскохозяйственное оборудование.

Вторая глава посвящена начальному периоду земельной и водной реформ в Центральной Азии (1921–1924 годы). Основное внимание в рамках реформ уделялось прежде всего оседлым и густонаселенным районам с целью достижения их быстрого экономического восстановления. Публикация *Декрета о земле* привела к напряженности в отношениях между коренным мусульманским и пришлыми славянскими переселенцами, которые прибыли в центральную Азию с началом царской политики переселения из центральных российских губерний. В отличие от центральной России, русские переселенцы в Центральной Азии использовали *Декрет* для захвата земель у кочевого казахского и киргизского населения. Для бывших кочевников была рекомендована политика проведения оседания кочевого и полукочевого населения, призванная урегулировать землепользование в кочевых и полукочевых регионах. Вместо ликвидации крупных байских хозяйств было введено регулирование норм землевладения, при этом Московское правительство и Туркестанская Республика приняли новое земельное законодательство.

Третья глава охватывает процесс принятия решений и реализацию реформ в 1924–1925 годах, подчеркивая, что большевики действовали в качестве своего рода сельских наблюдателей и советчиков, чтобы подготовить крестьян к планируемой земельной реформе, избегая при этом обострения классового конфликта. Реформы страдали от отсутствия всестороннего планирования и подготовки и во многих случаях представляли собой инициативы «снизу», идущие от представителей сельских общин. Также затрагиваются такие вопросы как доминирование частной торговли, социальные структуры в традиционных крестьянских сообществах и усилия по интеграции узбекского хлопководства в экономику СССР, планы конфискации и перераспределения поливных земель.

Четвертая глава посвящена земельной и водной реформе 1925–1926 годов в так называемых «ключевых округах» – Самаркандинском,

Ташкентском и Ферганском, подчеркивая, что советская власть требовала массового участия и вовлечения местного населения в проводимые реформы. Целью реформы была интеграция сельских жителей в советскую систему землепользования путем переопределения прав на земельную собственность. При планировании реформы не были взяты в расчет такие проблемы как ограниченность статистических данных, доступных до начала проведения реформы, открытое сопротивление и конфликты между приезжими партийными работниками, далекими от понимания местных реалий, не владеющими языком, и местными крестьянами. Реформа включала конфискацию земли сверх официально установленной нормы, поощрение использования тракторов и развитие хлопководства вместо животноводства, а также проведение широкой и целенаправленной пропаганды для привлечения поддержки местного населения.

Пятая глава посвящена оценке непосредственных результатов земельной реформы 1925–1926 годов на остальной территории Узбекской ССР помимо «ключевых округов». В ходе реформы земля в основном была выделена бедным крестьянам и батракам, у которых отсутствовали основные средства к существованию. Несмотря на перераспределение земли, многим получателям не хватало необходимого сельскохозяйственного инвентаря и ресурсов, таких как зерно и скот, и они испытывали трудности с обработкой своих наделов. Приблизительно пять процентов населения Ферганской долины подверглись экспроприации земли, а некоторые были высланы в соседние регионы. Проблемы включали сопротивление местных элит и конфликты из-за землепользования, что привело к отсутствию интереса к участию в проводимых реформах и получению земельного надела среди местных крестьян. Многие из крестьян, испытав затруднения с обработкой земли возвращали или просто оставляли полученный земельный надел. Реформа также включала реорганизацию Союза Кошчи для помощи бедным крестьянам, кроме того местное духовенство в немалой степени было вовлечено в реформы и объясняло свое участие в них законами шариата, направленными на достижение социальной справедливости.

Шестая глава описывает расширение и углубление земельной реформы в 1926–1927 годах, подчеркивая, что экономика Узбекистана в основном базировалась на крестьянстве, что делало необходимым проведение крестьянской революции,

а не буржуазной или пролетарской. Реформа была сосредоточена на «ключевых округах» с относительно лучшими сельскохозяйственными условиями и финансовыми ресурсами, в то время как отдаленные районы, характеризующиеся кочевым образом жизни, ограниченностью доступной статистики и скучностью информации, отставали, а зачастую просто не брались в расчет. Дореволюционная экономика была в основном ориентирована на экспорт, включающий такие продукты, как каракуль, зерно, овечьи и бараньи шкуры, жир, хлопок и сухофрукты (кишмиш). Однако постреформенные усилия в значительной степени игнорировали и разрушали эти традиционные каналы экспорта. Эксперименты большевистской власти включали передачу земли в государственную собственность и разрешение торговли землей в рамках официально установленных норм и правил. Усилия возглавляли городские активисты, многие из которых были необразованными, руководствовались исключительно партийными директивами, игнорируя факты ограниченного присутствия и влияния представителей большевиков в сельской местности.

Седьмая глава посвящена усилиям, приложенным в 1920-е гг. на улучшение и восстановление ирригации в Центральной Азии, подчеркивая важность реконструкции и расширения существующих ирригационных систем с целью повышения продуктивности сельского хозяйства. Эти усилия включали очистку заилившихся каналов, строительство новой инфраструктуры и привлечение труда и опыта местного населения. Проблемы включали недостаточную подготовку, ненадежное и негарантированное финансирование, обещанное Москвой, сложные отношения с местными чиновниками, такими как мирабы (местные жители, избираемые общиной и ответственные за распределение воды из водных каналов). Реформа также затронула этнические меньшинства, такие как бухарские евреи и люли (местные цыгане), которые мигрировали в сельские районы в рамках земельной и водной реформ.

Восьмая глава анализирует, как земельная реформа, проводимая с 1927 по 1929 год, привнесла классовую борьбу в сельский Узбекистан. В главе подчеркивается, что «правильная» классовая принадлежность была закреплена посредством перераспределения и конфискаций земли, что вызвало активные и пассивные формы сопротивления, приведшие к напряженности между «победителями эксплуатируемыми» и

«проигравшими эксплуататорами». Узбекские и советские партийные лидеры тщательно манипулировали границами применения классовых ярлыков, чтобы сохранить контроль, находя баланс между репрессиями и переговорами. Реформа продвигалась неравномерно по регионам: в одних районах происходила насилиственная реорганизация земли, а в других радикальные меры переносились либо откладывались. В округах, где реформа была завершена, усилия были направлены против нетрудовых хозяйств и темпы проведения конфискации часто усиливались, чтобы «завершить» процесс, представляя эту борьбу как финальную фазу консолидации земли в руках трудового крестьянства.

Девятая глава посвящена проведению колхозизации в Узбекской ССР в период с 1927 по 1930 год, подчеркивая, как землеустройство было направлено на устранение беспорядка в густонаселенных оазисах путем консолидации сельскохозяйственных земель и образования больших кооперативных или колхозных хозяйств. Основной упор делался на увеличение производства хлопка посредством строгих квот, с усилиями по превращению хлопка в монокультуру, особенно в Ферганской долине. Инвестиции в инфраструктуру, механизацию и ирригацию, наряду с использованием тракторов, сыграли решающую роль в консолидации земельных участков и формировании сельскохозяйственных преобразований в регионе, обусловленных более широкими целями советской экономической политики.

Представленная книга предлагает ценный и глубокий анализ ранних советских земельных реформ в Центральной Азии, представляя понимание того, как революционная политика адаптировалась и реализовывалась в условиях серьезных экономических и социальных вызовов. Детальное изучение взаимодействия между государственными усилиями, местными реалиями и общественным сопротивлением проводимым преобразованиям проливает свет на сложности аграрного преобразования в периферийных регионах Советского Союза. Для исследователей, интересующихся советской историей, аграрными исследованиями или историей Центральной Азии, эта работа представляет собой всеобъемлющее тематическое исследование политики в действии, подчеркивая уроки ограниченных и непредвиденных последствий быстрых социальных преобразования и желания получить немедленные результаты.